

Брат и сестра

Петр Дудоров. Брат и сестра

I.

Жил-был в одном селе старик со старухой.

Жили они бедно-пребедно, во всем нужду терпели, но на Бога не роптали.

Наоборот, каждый день они Бога благодарили за то, что Он им утешение в жизни ниспослал.

А утешением этим были детки их — сынок Иванушка и дочка Аленушка.

Растут себе Аленушка и Иванушка, а старики глядят на них, не нарадуются.

И такая им радость, на детей глядя, была, что они и недостатков своих не замечали.

А коли кто-нибудь им когда-нибудь о них напоминал, так старики только смеясь отвечали:

— Вот погодите, вырастут Аленушка и Иванушка, работать станут, вот мы сразу и разбогатеем.

Сами-то старики слабы были, работать им трудно было, потому и недостатки у них были.

А Аленушка с Иванушкой еще слишком молоды были, в работе старикам помогать не в силах были.

Так и жили старики с детьми.

Ели, пили, друг друга любили и по своему счастливы были.

А дети все подрастали, да подрастали.

Шли годы за годами, а все у стариков оставалось по-старому.

Аленушка много старше братца была, и братец Иванушка всегда сестрицу Аленушку слушал.

Прошло несколько лет, и из Аленушки вышла хорошенькая девушка, глядя на которую не могли нарадоваться старики.

Да не суждено было дожждаться старикам, пока подрастет и Иванушка.

Поехали они раз в лес за дровами.

Видно, ветром продуло их сильно, потому что в тот же день и старик и старуха в постель слегли да так с того дня с постели и не вставали.

Горько плакали Аленушка и Иванушка, когда схоронили отца с матерью.

И так с того дня стало грустно в избе, что хоть не живи в ней.

Вот однажды сестрица Аленушка и говорит братцу Иванушке:

— Остались мы сиротами с тобою, братец Иванушка, да и изба наша пуста, а во дворе никакого хозяйства нет. Пойдем-ка с тобою, братец Иванушка, по свету белому путешествовать, может быть, где-нибудь и счастья найдем.

— Что ж, сестрица, пойдем, — ответил братец Иванушка. — С тобой я хоть на край света пойду.

Недолго собирались сиротки.

Распродали, что поценнее было, а в избе одному бобылю жить позволили, взяли с собою котомочки да и пошли, куда глаза глядят.

Идут они путем дороженькой, а солнце так и печет.

— Давно такой жары не бывало, — сказал по дороге братец Иванушка.

— А уж и правда, — ответила сестрица Аленушка.

Идут, идут они дальше, а солнце все горячее становится, все больше их печет.

Так пот с них обоих и катится.

Покупаться хорошо было бы или водицы свежей испить, да как на беду, ни одной речки на пути не попадается, а Иванушку так и томит, в горле все пересохло.

— Ох, — говорит братец Иванушка. — Не вмоготу мне, смерть, как пить хочется.

А сестрица Аленушка и отвечает:

— Потерпи, братец Иванушка. Дойдем до речки с чистой водой, там и водички напьешься и искупаешься.

Идут они дальше, а Иванушке невмоготу становится.

Все больше и больше его жажда мучит.

Вдруг видит он посреди дороги лошадиный след, а в следу том водицы полно.

Вот и говорит братец Иванушка:

— Напьюсь я, сестрица Аленушка, из лошадиного копытца.

Испугалась сестрица Аленушка.

— Не пей ты, братец Иванушка, из лошадиного копытца, а то сам жеребеночком станешь.

Послушал братец Иванушка сестрицу Аленушку.

Не напился он из копытца лошадиного, превозмог свою жажду и за сестрицей дальше пошел.

Идут они идут, а жара все пуще их донимает.

Так и печет солнышко, так головы и жжет.

Реки все нет как нет, а Иванушку все больше жажда мучает.

— Сестрица Аленушка, не могу я больше идти, — говорит Иванушка.

А сестрица Аленушка ему опять в ответ:

— Потерпи еще, братец Иванушка, может быть, до речки скоро дойдем.

А речки нет как нет.

Вот вдруг видит братец Иванушка посреди дороги коровий след, а в следу том водицы полно.

Вот и говорит Иванушка:

— Невмоготу мне, сестрица Аленушка, напьюсь я из коровьего копытца.

А сестрина Аленушка снова его упрашивает.

— Не пей, братец Иванушка, из коровьего копытца. Не то сам теленочком станешь.

Очень хотелось пить Иванушке да не захотел он сестрицу Аленушку огорчать.

Не выпил он водицы из коровьего копытца и пошел за сестрою дальше.

Идут, идут они дальше, а солнце еще больше печет, еще пуще палит.

Видит братец Иванушка посреди дороги след бараньей ноги.

— Ох, Аленушка, не могу я терпеть больше, — говорит Иванушка.

Стала его уговаривать сестрица Аленушка, стала упрашивать, да не послушался ее братец Иванушка.

Взял да и выпил из бараньего копытца всю воду до дна.

Да только что успел всю воду до дна выпить, как в ту же минуту в белого ягненок превратился.

Оглянулась Аленушка, хотела было братца насильно от копытца оттащить, он глядь-поглядь, братца-то и нет.

А вместо братца Иванушки, глядит, около нее белый ягненок стоит.

Горько заплакала сестрица Аленушка, да было уже поздно.

Села она на зеленую травку, стала ягненок целовать да миловать, стала с ним разговаривать.

— Не послушал ты меня, бедный братец Иванушка. Вот и попал в беду.

Погоревала сестрица Аленушка да и пошла дальше в путь-дороженьку, а ягненок за нею побежал.

II.

Шла Аленушка полями широкими, шла лугами привольными да к речке подошла.

Напилась водицы студеной и покупалась, вымыла и братца своего ягненокка.

Потом по мосту через речку перешла и снова на дороге пошла.

Шла она, шла да и зашла в дремучий лес.

Страшно стало Аленушке.

Не столько за себя, сколько за братца боится, чтобы волки лютые его не сели, с нею его не разлучили.

Шла она день, шла другой, сильно притомилась.

Вдруг видит — на полянке лачужка жалкая стоит.

А около лачужки той старушонка старая сидит.

Старая-престарая, лохмотья на ней чуть держатся.

Увидала старушка Аленушку и стала у нее просить:

— Не найдется ли у тебя, девица красная, чем меня, старушку Божию, угостить.

Подошла к ней Аленушка, достала из сумочки пирожок, что дома припасла, и подала его старушке.

Съела пирожок старушка, похвалила Аленушкино умение да и говорит ей:

— Вижу я, красавица, что душа у тебя добрая, а за добро добром платится. Скажи же мне, чем я тебе службу сослужить могу.

Села Аленушка около старушки и стала ей про свою жизнь рассказывать.

Рассказала ей, как жили они с отцом и матерью, как осиротели и в путь с братнем пустились, рассказала, как испил братец Иванушка из бараньего копытца и сам ягненочком стал.

А братец Иванушка около них стоит и блеет.

Выслушала старушка ветхая рассказы Аленушки и покачала головой.

— Трудное дело твое. Да надо попробовать.

Встала старушка со скамейки, вошла в избу свою покосившуюся, вынесла оттуда кружку воды студеной да угольков горячих.

Бросила она те угли горячие в воду студеною и давай в воду смотреть да прищептывать.

Все в той воде студеной старушка ветхая видела.

Смотрела она, смотрела да и говорит:

— Вижу я жизнь твою, Аленушка. Ждет тебя горе лютое, да только не бойся его. Через то горе лютое ты счастье получишь. Так оно всегда в жизни и бывает, за несчастьем счастье следует. Того несчастья предотвратить я не хочу, потому что без него счастья тебе не познать. Иди своим путем-дорогою, а больше тебе я ничего сказать не могу.

Поблагодарила Аленушка старушку ветхую да и пошла опять по дороженьке.

А братец ягненок за ней бежит да траву пощипывает.

III.

Долго ли, коротко ли шла путем дорогою — неведомо.

Сначала лесом шла, потом полем широким, а там и опять в лес вошла.

Вошла она в лес, вдруг слышать — кто-то ее человеческим голосом окликает.

Взглянула вверх Аленушка, глядит, а это ворон черный с ней человеческим языком разговаривает.

И говорит ей ворон:

— Здравствуй, сестрица Аленушка. Давно не ел ничего вкусного. Угости меня чем-нибудь.

Подивилась Аленушка, что ворон с ней человеческим языком говорит.

Сняла с плеч котомочку, вынула из нее кусок хлеба мягкого и отдала его ворону.

Съел ворон хлеб и даже крыльями от удовольствия захлопал.

— Славно, красавица, — говорил он. — Угостила ты меня. Когда-нибудь и я тебе пригожусь.

Сказал это ворон, взмахнул крыльями и улетел. Так ничего Аленушка и не поняла.

Постояла она, постояла, надела снова сумочку, позвала братца ягнечка да и пустилась снова в путь.

Долго шли они лесом, долго шли по полям да вдруг и слышали звуки рогов.

Не знала Аленушка, что это царь на охоту выехал и со своими доезжими и охотниками теперь по полям и лесам скачет.

Вот охотился, охотился царь да и наехал на Аленушку.

Увидел он девушку-красавицу и ягнечка белого и стал у девушки просить, чтобы та ему ягнечка беленького продала.

А сестрица Аленушка и говорит:

— Не могу я, государь, тебе ягнечка продать, потому что не простой это ягнечек, а братец мой родной Иванушка. Не послушал он меня, не дождался реки, испил из копытца бараньего да вот в ягнечка и превратился.

Подивился царь тому рассказу и стал Аленушку про ее жизнь расспрашивать.

Стала рассказывать Аленушка, а царь с нее очей не сводит.

И пока она ему про жизнь свою рассказывала, так она царю полюбилась, что тот ее тут же замуж решил взять.

Взял царь Аленушку за ручки беленькие и повел к себе во дворец.

Устроил он пышную свадьбу, и стала Аленушка царицей.

Жила она в ладу с царем и в согласии, а братец ягненок с нею вместе жил и от нее ни на шаг не отходил.

Велел царь всем своим подданным белого ягненочка как царского сына почитать, и никто не смел его обижать.

Долго так жили Аленушка с братцем ягненокком и, может быть, век бы так прожили, да случилось с нею несчастье.

Жила по соседству с их царством старая колдунья, злая.

Были у той колдуньи злой и дворцы роскошные, было у нее много серебра и золота и драгоценных камней, было у нее много земель и лесов и разных богатств.

Была у колдуньи той и дочка красавица, только злая-презлая.

Уже давно думала колдунья о том, как бы дочку ту свою за царя замуж отдать.

Думала она, что царь на ее богатства позарится.

А как узнала она, что царь на Аленушке женился, так света Божьего невзвидела. Стала она думать, как Аленушку извести и дело исправить.

Взяла, однажды, колдунья острый нож да и пошла в столицу царскую.

Вошла она в царский сад, спряталась в кустах да и стала Аленушку выслеживать.

А Аленушка ничего этого не знала да как ни в чем не бывало гулять в сад вышла.

Выскочила из кустов злая колдунья да и зарезала Аленушку.

Схватила ее тело белое, сняла с нее платья царские, а тело к пруду стащила. Навесила она на шею Аленушке камень тяжелый, да и бросила ее в воду.

Так Аленушка ко дну и пошла.

Взяла после этого колдунья ее платье и пошла домой.

Тут позвала она к себе дочку свою злую и стала ей показывать:

— Надень ты, дочь моя любимая, Аленушкины платья, а я над лицом твоим поколдую и тебя на Аленушку похожей сделаю. А как станешь ты на Аленушку похожа, иди ты во дворец царский и будешь там царицей жить.

Как колдунья сказала, так и сделала.

Поколдовала она над своею дочкою, и стала та дочка на Аленушку похожа.

А как надела колдунья дочка Аленушкино платье, так стала так на нее похожа, что никто бы ее от Аленушки не отличил.

Вот пошла колдунья дочка в столицу, вошла во дворец и к царю пошла.

А царь смотрит на нее и за Аленушку принимает.

Стала колдунья дочка царицей, стала с царем жить да поживать.

Только одно заметил, наконец, царь: была раньше у него жена Аленушка добрая да ласковая, была со всеми любезна и кротка, да вдруг сразу изменилась.

Стал замечать царь, что его жена вдруг злою стала.

На всех нападает, на всех злится, всех наказывает.

На него самого кричит, во все дела вмешивается.

Дивился, дивился царь да решил, что с нею ничего не поделаешь.

Но больше всех невзлюбила колдунья дочка белого ягнечка.

Сначала она этого царю не показывала.

Но потом стала мало-помалу ягнечка Иванушку со свету сживать.

Сначала она его из дворца прогнала и велела на скотном дворе держать.

Но и этого ей мало показалось.

Так ненавистен стал ей братец Иванушка, что решила она его совсем извести.

И с той поры стала она об этом все чаще и чаще подумывать.

IV.

Плохо стало житья бедному ягнечку.

Единственным его утешением было к пруду бегать и с сестрицей Аленушкой разговаривать.

Прибежит бывало на берег пруда ягнечек, смотрит в воду и с сестрицей Аленушкой переговаривается.

Прибежал раз к пруду ягнечек, и стала его сестрица Аленушка расспрашивать:

— Как живется тебе, братец Иванушка? Хорошо ли тебя кормят? Хорошо ли тебя поят? Моют ли твою шерстку нежную? Кладут ли тебя на постельке мягонькой? Не бьет ли тебя злая колдунья дочка?

А брат Иванушка ей отвечает:

— Плохо живется мне, сестрица Аленушка. Била меня, била злая дочка колдунья. А теперь и совсем из дворца выгнала.

— Где же живешь ты, братец Иванушка? — спрашивает сестрица Аленушка.

А Иванушка и отвечает:

— Живу я, сестрица Аленушка, на грязном скотном дворе. Велела мне колдунья дочка сено сухое да воду мутную давать. И только одно у меня утешение к тебе сестрица Аленушка бегать да с тобою разговаривать.

Поговорили так сестрица Аленушка с братцем Иванушкой и заплакали.

И каждый-то день так они друг с другом разговаривали, друг с другом своим горем делились.

Бывало прибежит ягнечек Иванушка к пруду и станет сестрицу Аленушку расспрашивать:

— Что чувствуешь ты, сестрица Аленушка?

А сестрица Аленушка и отвечает:

— Холодно мне, братец Иванушка. Скверно лежать мне на дне пруда.

Слушает братец Иванушка сестрицу Аленушку, бегаёт по берегу пруда да блеет жалобно.

Заметил царь, что белый ягненок от дворца отбился, не пьет, не ест, все по берегу пруда бегают да жалобно кричат.

Заметила это и злая колдунья дочка.

Испугалась она, как бы он царю ее тайны не выдал, и решила она поскорее от ягненочка избавиться.

Вот пришла она однажды к царю и давай к нему ласкаться.

Подивился царь.

Давно уже с ним жена так ласкова не была.

Подумал он, что она опять доброй стала и ласковой.

А колдунья дочка и говорить ему:

— Сделай ты мне, государь, одно большое удовольствие, исполни ты одну мою просьбу заветную.

Выслушал ее царь да и говорит:

— Говори свою просьбу заветную. Исполню я все, что ты не захочешь.

И стала тут просить колдунья дочка:

— Прикажи ты, царь, государь, беленького ягненочка зарезать.

Еще больше удивился царь.

Не знал он того, что перед ним находится не Аленушка, а злая колдунья дочка, и считал он белого ягненочка братцем жены — Иванушкой.

Знал он, как нежно относилась Аленушка к братцу Иванушке, как души в нем не чаяла, а тут вдруг сама его зарезать просит.

— Как же, — спрашивает царь, — ты хочешь, чтобы я твоего братца Иванушку зарезать приказал?

А колдунья дочка и отвечает:

— Что же тут хорошего, если он всю жизнь ягненочком проживет? А может быть, если ему горло перерезать, так с него чары сойдут и он снова человеком станет.

Подумал, подумал царь да и говорит:

— Что же, Аленушка, делай, как знаешь.

Обрадовалась колдунья дочка, стала благодарить паря.

А потом позвала к себе слуг, велела им наточить ножи булатные, греть котлы чугунные, раскладывать костры высокие и ягненка белого зарезать да ей на обед приготовить.

Стали слуги точить ножи булатные, стали класть костры высокие, стали разогревать котлы чугунные.

Увидал это братец Иванушка, напал на него страх лютой.

Понял он, что его час приходит, что это для него колдунья дочка готовит.

Заплакал он горько и побежал к пруду с Аленушкой проститься.

Прибежал он к пруду, лег на травку и стал сестрицу звать.

Услыхала его Аленушка и стала расспрашивать:

— Как живется тебе, братец Иванушка? Все ли также плохо или нет?

А братец Иванушка и отвечает:

Алёнушка, сестриченька,
Пожалей меня, родимая.
Извести хотят меня,
Сжить совсем со света белого,
Испросила колдунья дочь
У царя своего позволения
Меня, белого ягненокка,
Ножом острым зарезать.

Поет и плачет Иванушка, а царь-государь ничего не ведает.

Сидел он, сидел во дворце своем да захотел вдруг погулять пройтись.

Вышел он на крыльцо, спустился по лесенке да и пошел по дорожке.

Идет себе, погуливает, о делах государственных подумывает, а того и не замечает, что черный ворон на ветке сидит да на него посматривает.

И только царь поравнялся с ним, как ворон и заговорил с ним.

— Карр... карр... карр... — закричал он человеческим голосом. — Ты послушай меня, государь, не дай злему делу сделаться.

Изумился царь.

Никогда не слышал он, чтобы вороны человеческим языком говорили.

Остановился он под деревом и стал спрашивать:

— Ты про что это, черный ворон, говоришь? Про какое зло мне намекаешь?

А черный ворон ему в ответ и говорит:

— Знал я, царь-государь, сестрицу Аленушку, знал и ее братца Иванушку ягненокка, ты пойд-ка, государь, к своему пруду, ты послушай, о чем плачет бедный ягненок.

Еще больше удивился царь, услышав такие слова. Поблагодарил он черного ворона да пошел скорее к пруду.

А ягненок Иванушка на берегу лежит да с сестрицей Аленушкой разговаривает.

И слышит царь, как говорит ягненок:

Аленушка, сестриченька,
Пожалей меня, родимая!
Извести меня хотят,
Сжить совсем со света белого.
Испросила колдунья дочь
У царя своего позволения:
Меня, белого ягненокка,
Ножом острым зарезать.
Сестрица моя, милая,
Хотят меня зарезать,
Хотят сжить со света белого,
С тобою разлучить.
Горят костры высокие,
Котлы кипят кипучие,
Точат ножи буланные,
Чтоб резать меня.

Услыхал эти слова царь да так и замер на месте.

Сидит в кустах ни жив, ни мертв и слушает.

Да вдруг и услышал голос сестрицы Аленушки, из-под воды выходящий:

Ах, братец мой, Иванушка!

Ах, братец мой, родименький!

В холодной во пучине я,
На дне пруда лежу.
Сгубила меня злющая
Колдунья ненавистная,
Ножом меня зарезала
И в пруд меня забросила,
На шею мне веревку
С тяжелым камнем вешала,
И вот теперь холодная
Лежу я на том дне.
Веревка та мне шею трет,
Трава на ручках свилася,
Пески на грудь легли.

Услыхал царь эти слова и света Божьего невзвидел.

Стал он народ сзывать к себе, царедворцев скликать.

Перво-наперво велел он колдуньину дочку схватить, по рукам и ногам связать да в темную тюрьму бросить.

Потом велел рыбаков с неводами собирать и теми неводами Аленушку из пруда вытащить.

Искали, искали рыбаки в пруде да, наконец, и вытащили тело сестрицы Аленушки.

Обрадовался было царь да не надолго.

Аленушка сестрица вся холодная лежит, ничего не говорит.

А братец Иванушка кругом нее бегают да жалобно кричат.

Заплакал царь, стал головою о землю биться.

Вдруг слышит — снова черный ворон ему кричит:

— Не печалься, государь, сослужу я тебе еще раз службу, помогу еще раз горю твоему, потому что полюбилась мне сестрица Аленушка и братец Иванушка.

Заплакал царь еще пуще прежнего и спрашивает:

— Как же можешь ты помочь, черный ворон, моему горю горькому, когда лежит передо мною моя жена Аленушка с перерезанным горлом и похолодевая?

А черный ворон и отвечает:

— Есть на свете, царь-государь, чистый источничек. А течет в том источнике чудесная вода, что живою водою прозывается. А находится источник тот под полом избушки старенькой. А живет в избушке той старушка ветхая. Слетаю к старушке той да попрошу водички живой, и коли даст она мне водички живой, будет спасена сестрица Аленушка.

Обрадовался царь, услыхав эти слова.

А черный ворон крыльями взмахнул да скоро из глаз пропал.

Стал царь с братом Иванушкой ждать-дожидаться.

Приказал он Аленушку во дворец перенести и на мягкую постельку положить, а братцу ягненку рядом с нею другую постельку поставить, хорошенько его молочком попоить да цветочками его накормить и шерстку беленькую ему вымыть.

Стал царь дни и ночи около Аленушки сидеть да ворона поджидать.

Сидел он, сидел да и видит однажды, что старушка ветхая в комнату входит, а на плече у старушки черный ворон сидит да весело покрикивает:

— Вот и мы пришли, живой водицы принесли!

Поклонилась старушка ветхая царю, подошла к Аленушке, в лоб ее поцеловала и три раза на нее водой живою брызнула.

И в ту же секунду зажили раны у Аленушки, а сама Аленушка встала и ясные очи открыла.

А в ту же секунду и другое чудо совершилось.

Ударился оземь белый ягненок и стал вдруг мальчиком Иванушкой.

Бросились тут на шею друг другу сестрица Аленушка и братец Иванушка, заплакали радостными слезами и стали друг друга обнимать и целовать.

А царь от радости чуть с ума не сошел.

А черный ворон на них глядит, знай себе радуется да покрикивает.

— Карр... карр... карр... — вот что значить добрая душа.

Узнала Аленушка и старушку ветхую, ту самую старушку, к которой когда-то в лесу зашла и которую пирожком угощала.

Обняла она старушку ветхую, стала ее за спасение благодарить, стала ее уговаривать из дворца больше не выезжать и с ними жить остаться.

Стал и царь старушку уговаривать.

Долго не соглашалась старушка из своего леса дремучего в царские хоромы переселиться, но Аленушка с братцем Иванушкой так сильно ее упрашивали, что она, наконец, согласилась.

Да так с того дня и осталась жить в царском дворце.

А царь велел своим подданным старушке почет оказывать и самыми лучшими блюдами ее кормить.

Черный ворон тоже улетать не захотел.

Он свил себе гнездо в царском саду на дереве и с той поры каждый день с Аленушкой и ее братцем Иванушкой виделся и с ними разговаривал.

А царь на радостях велел во дворец и на площади народ собирать, на честной пир созывать.

И было тут веселье великое.

Три дня и три ночи пир длился и весь народ веселился.

А потом царь и за суд принялся.

Приказал он людям своим к нему злую колдунью привести.

А когда ее к нему привели, приказал он ее и дочку ее в самые рваные платья нарядить и метлами из своего царства гнать да до тех пор гнать, пока они в тридесятom царстве не очутятся.

Взяли царские слуги колдунью и ее дочку да метлами так далеко загнали, что им назад уже ни пешком дойти, ни на конях доехать, ни на кораблях приплыть нельзя было.

А царь с Аленушкой да ее братцем Иванушкой со старушкой ветхою да с вороном черным стали жить да поживать, веселиться, да добра наживать.

Исходник здесь:

<https://literator.info/brat-i-sestra-skazka-p-dudorova-wppost-40600/>.

